

Осенняя Светлая

ЭТО МОЙ
МУЖЧИНА !

Есения Светлая
Это мой мужчина!

«Автор»

2022

Светлая Е.

Это мой мужчина! / Е. Светлая — «Автор», 2022

Юле почти сорок, она работает, воспитывает дочь и даже не надеется связать свою жизнь с мужчиной. Но случайная встреча переворачивает ее жизнь с ног на голову, а любовь прочно поселяется в сердце, ведь Алексей именно тот мужчина, о котором Юля всегда мечтала! Вот только её дочь совершенно против этих отношений...

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	15
6	17
7	21
8	24
9	28
10	32
11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Есения Светлая

Это мой мужчина!

1

Юля.

Нет, ну у Ленки точно ПМС. Она прям и время выбрала удачное, и зудит так настойчиво. Я ж не могу ответить, у меня язык прикушен! Ну, это просто примета такая, когда зашиваешь что-то на себе, нужно прикусить язык. И вот я стараюсь тут, корплю над своим фирменным потайным швом, спасаю расползающуюся на мне юбку, а Ленка динамично всверливается в мой мозг:

– Юль, нет ты что не могла заранее подготовиться? Платье нормальное купить? Юля, ну какой может быть в твоём случае белый наряд! Ну ладно юбка, хотя она обтягивает так, что заднице твоей вон тесно стало. Но вот эта футболка! Извини, на блузку она не тянет! И почему снова белая, Юля? У тебя светлая кожа, волосы цвета пшеницы. Ты же на моль похожа! Ну кофточку хоть ты могла новую прикупить?

Я соплю, пыхчу. Считаю секунды до того, как смогу наконец-то ответить, но Ленка... она бы не была Ленкой, да и в принципе моей подругой, если бы не перла напролом, как Анка-пулемётчица.

– Ты идешь на такое мероприятие, как можно упускать такой шанс! – не унималась она, сотрясая руками. – Там же одни акулы бизнеса!

Ага, со своими акулихами, знаю...

– К этому событию нужно было готовиться за полгода вперед!

А я и готовилась, блин... На работе документацию и прочие циферки для начальства...

– Да и уже давным-давно, Юля, тебе пора собой заняться! Могла бы к этому знаменательному дню хоть пару кило скинуть. Порхала бы бабочкой...

А вот это она зря. Я откусила нитку, сплюнула волосинку, одернула юбку и, сделав страшную моську, заявила:

– А я хочу быть просто гусеницей! И жрать, жрать и... жрать!

– Господи, Юля! Да как ты не понимаешь, ведь сорок не за горами! Там ведь еще тяжелее будет устроить личную жизнь. Мужики они, знаешь, всё на молоденьких смотрят... А с тобой разве что с голоду не помрешь...

Это она в мой огород цветочек кинула, типа накиданные до этого камушки прикрыть. Потому что готовлю я вкусно. И пеку, и вообще... Потом, конечно, все это и съедаю сама. Оттого фигура моя напоминает хорошую такую аппетитную московскую плюшечку...

– Да и вообще, какой ты пример Тане подаешь!

– Танька, кстати, не в меня пошла, так что не надо! – парировала я. – Она вон на овощах сидит и святым духом в промежутках питается. Ты фигуру ее видела? Я ж такой даже в дикой молодости не была! И на танцы она ходит. Так что, Лен, брось ты это занятие. Я не изменюсь. Я такая, какая есть. Пусть меня такой и любят...

– Прям очередь, ага, – буркнула Ленка, доставая свои рабочие инструменты и раскладывая их на туалетном столике.

Я не обиделась. Да, очереди нет. И, собственно, никого нет. Но жить это мне совершенно не мешает. Я привыкла одна. У меня есть дочь. И любимая работа. Ленка обиженно поджала губы, но вроде бы в этой ситуации положено мне. Но ладно, кто у нас не дурил перед этими... прощаю...

Я оправила юбку, осмотрела свою которую не блузку, – а мне нравится. Да пухлая, да простая, без осиных талий и длинющих ног. Ну и фиг с ним. Я на работу собираюсь. У нас обычная выставка-продажа мебели, а не смотрины невест.

Наша фирма производит трансформеры, пытается выйти на большой рынок. Вот Михайч и устроил показуху. Мебель, конечно, так себе, я бы не купила, но об этом ни слова. Все-таки с хороших продаж нам премия полагается. А я – человек маленький, всего лишь учетчик. Мое дело посчитать, сколько привезли, сколько продали, сколько увезли. И, главное, чтобы Егорушка – наш новый кладовщик, ничего в комплектации на складе не перепутал. Смотреть за ним, естественно, мне. Так что день будет жаркий, это точно. Какие уж мне там акулы бизнеса! Ленку же я попросила сделать мне профессиональный макияж. Просто чтобы поуверенней себя чувствовать, это раз. И там будет фотограф, знакомый нашей кассирши Ирочки, который для нее (и нас, соответственно) обещал пару кадров сделать, это два. И грех не воспользоваться Ленкиной щедростью, тем более она профи и сейчас в отпуске, это, пожалуй, три.

Я мысленно улыбнулась, никто мне сегодня настроения не испортит! Даже Ленка. И, царственно вздернув подбородок, уселась на табуреточку перед зеркалом.

– Ну, Ленуся, давай, феячь! Делай из меня королевишну. Минут через пять порхающая надо мной подруга, кажется, успокоилась и даже уже не бубнила. А я начала получать от этого какое-то особое удовольствие.

– Ну все, – возвестила моя подруга, отойдя в сторонку, – открывай глаза и смотришь!

Глаза я открыла и уставилась в зеркало. На меня смотрела довольная моська Ленки и еще какая-то удивленная женщина. Ой, елки-палки, это что, я? Не верю!

– Ленка! – шепчу восторженно, слегка касаясь лица руками, за что и получаю по ним же от доброй подруженции. – Ты просто волшебница! Вот это круто!

– А то! Я зря, что ли, за тридевять земель каталась на обучение? Эта бумажка с подозрительным названием "Сертификат" тебе не на принтере дома распечатана! Я там, знаешь, сколько всего интересного попробовала!

– Спасибо, Лен, правда!

– Ну и хорошо, что угодила. А по поводу аквафитнеса ты подумай. Сейчас лето, там мало народу ходит. Может, и скидки будут.

Опять она за свое. Но не ругаться же. Она мне добра желает...

2

Ленка ушла, а я еще немного решила покрутиться перед зеркалом. Всё-таки настроением на целый день заряжаюсь, не так себе! Затем заглянула на кухню, оценила запасы продуктов, проверила содержимое шкатулки в прихожей – хватит ли Танюшке на проезд. Конечно, у нее деньги всегда есть, но на карточке. А в маршрутке нужна наличка.

Детонька моя пока еще сладко спала, у нее сегодня занятия с десяти, и я не стала ее будить. Взяла сумочку, пакет со сменной удобной обувью, надела свои сногшибательно-умопомрачительные туфли и пошла покорять мир.

Во дворе, надо сказать, я сразу произвела фурор. Ну и пусть, что это всего лишь дедушки у старого клёна пооткрывали рты и забыли про свои карты. Все равно приятно. Настроилась на королевскую походку (все-таки юбка узковата, может и права Ленка, на диету бы...), отшагала несколько метров и поняла – до остановки я так долго буду тащиться. Оглянулась в поисках соседа-таксиста – он по утрам обычно со своим разгроханным раритетным шестобаном тут и стоит, может, кому пригодится. Вот мне он бы сейчас ох как пригодился. Вижу нашего Коляна за привычным делом – погрызанием семечек, стоит у подъезда и голубей под ногами рассматривает.

– Коль, привет, – отвлекая его от завтрака, – подбросишь до нового торгового центра?

Сосед отрывается от лицезрения, усыпанного кожурками асфальта и поднимает голову, несколько раз моргает, а потом растягивает улыбу от уха до уха.

– Юлька, ты, что ль?

– Я, Коль, я... Машина на ходу? Подбросишь?

– Конечно, пошли, она за домом, на стоянке. Я сегодня выходной, но тебя подвезу, конечно.

Ага, думаю, выходной. Как же... Галина твоя разве даст тебе отдыхать... но вежливо молчу и иду к машине. Не кабриолет, конечно, но все лучше, чем толкаться в маршрутке. Тем более, за юбку переживаю, вдруг толпа такая будет, что не выдержат мои фирменные швы.

Сажусь на низкое сиденье, пристегиваюсь. Колян восторженно осматривает меня и цокает языком.

– Хорошая ты баба, Юлька! Ладная. Я б тебя куда увез, в кусточки.

– Ой, не смейся, а! Поехали, Коль. Мне в центр, ты помнишь, да? Ты и до кусточков не доедешь, Галина догонит и накостыляет. Так что давай, рули.

Николай обиженно поджал губы, одернул замызганную кепку и тронулся в путь. Больше желания флиртовать у него не возникло.

Смешно, правда. На него без слез не взглянешь – брюки засалены, коленки висят, рубашка в огромную клетку, наверное, еще от бабушки по наследству досталась, вся как будто пятьсот раз постирана, висит на его худеньком тельце, непонятно на чем держится. И я тут такая вся Королевишна...

Да ну его, Кольку этого, нечего мне настроение портить!

Через полчаса, минуя пробки и петляя по дворам, Колян доставил меня к нужному торговому центру. Получил свой заработанный столик и укатил, так и не сказав ни слова. А я, волнуясь и поглядывая на часики, заторопилась внутрь.

Секретарша нашего главного стояла на входе и строго следила за тем, чтобы никто чужой не проник в торговый зал. И тут я иду, улыбаюсь, спокойно держу траекторию до входа, походка от бедра и нос по ветру... А она вдруг преграждает мне путь. Миленко-гаденько улыбается, как умеет только Лизонька, и вежливо так вещает:

– Простите, открытие выставки ровно в восемь тридцать, сейчас еще очень рано. Но вы можете подождать, выпить кофе, – указывает рукой в сторону. – Вот там, за лестницей, есть автомат.

И в этот момент меня неожиданно прорывает смех. Нет, ну что, правда... Она меня не узнала?

Глаза Лизоньки округлились, и она неуверенно так выдала:

– Юля Петровна, это вы разве? Простите, не признала.

– Здравствуйте, Елизавета Витальевна. Да, это я. Спасибо за комплимент. Не опоздала, надеюсь?

– Михалыч уже всех собрал и там, за рекламным щитом, теперь всем раздает ценные указания. Но вот здесь, слева, есть туалет с большим зеркалом, для нас специально ключи выдали. Вы можете пока переждать бурю...

– Спасибо, Лизок! – подмигнула я и взяла у нее ключи от туалета. Все-таки между ором Михалыча и большим зеркалом я, несомненно, выбираю второе.

Десять минут мне дали отдышаться, а потом послышались голоса за дверью и шум передвигаемой мебели. Ну как же, святое дело в последний момент! Я вышла, оценила позиции занятых сотрудников, нашла глазами уже порядком измахраченного Егорушку. И тут громом среди ясного неба пророкотал возле меня бас Михалыча. Я аж вздрогнула, блин.

– А что у нас Смирнова на работу не соизволила явиться?

Ошарашенно смотрю на него. Вот это да, вот это Ленка "могёт"!

Тут же в зале все заулыбались, поглядывая на меня и рядом стоящего Михалыча.

– Михаил Михайлович, – шепчу я, стараясь не разгневать и без того нервного мужика. – Я ж здесь, рядышком...

– Юля Петровна, – теперь округляет глаза мой взбудораженный начальник, – Вы?

– Я, Михал Михалыч.

Он, жадно облапав меня глазами, поправляет галстук и выдает

– Хорошо, очень хорошо... что вы на месте. Думаю, свои обязанности, Юля Петровна, помните. И не забывайте, – снова обратился он к работникам, – консультируют все, а не только отдел продаж! Все, я повторяю!

Долго разглагольствовать ему не пришлось. Открылся главный вход, и пошли первые посетители.

Рабочий день начался, все ненужные мысли в сторону.

3

Ближе к обеду я уже тысячу раз пожалела о своем наряде и помянула недобрым словом Ленку. Вот где она раньше была со своими добрыми советами? Но Ленка, на самом деле, ни при чем. Нефиг было кексы жрать все выходные. Ну и что, что вкусенькие, а теперь вон дышать тяжело и юбка, будь она неладна, настолько стиснула мне бока, что лишний раз ни наклониться, ни повернуться.

К полудню, правда, мы все уже были как загнанные ослики, и мне даже расхотелось фотографироваться. Только Ленка, наш постоянный репортер из местной газеты, все же щелкнул меня, по старой дружбе. Но, думаю, на кадрах я либо с открытым ртом, орущая на Егорушку, либо с выпученными глазами, бегущая в торговый зал.

Когда удалось уйти на пятнадцатиминутный перерыв, я вознесла хвалу господу и профсоюзам всем вместе взятым. Долой рабство и тесную обувь! Блаженно скинув туфли и развалившись на кресле в подсобке, я с каким-то особым умиротворением смотрела, как Ирина, наша кассирша, заваривает чай.

Вместо обеда, нас ждал всего лишь быстрый перекус из бутербродов с сыром и ветчиной. Это наш Михалыч расстарался, дабы в торговом зале не воняло разогретыми пельменями и распаренными дошираками. Даже конфет купил.

Я, конечно, погоревала, но свою долю бутербродов умяла без зазрения совести. Мы немного позубоскалили с Иринкой, попеременно косточки сотрудникам. Она меня вежливо предупредила, чтобы я не нарушала матримониальных (но недальновидных) планов Лизоньки. На что я ответила, что жить мне еще хочется. Кто ж про ее виды на Михалыча не знает? Все знают, но толку нет. Михалыч – кремень, заядлый холостяк, но на работе интрижек не заводит. Поэтому ни Михалыча мне не надо, ни Лизоньки с ее неумной ревностью. Я ее настороженные взгляды и так целый день ловлю.

Через пятнадцать минут нас сменили. Не дали даже по второй кружечке чая попить! Нелюди!

И понеслось. Народ повалил, предприниматели разные, начальство из администрации подтянулось, – в общем, аврал. Я носилась от склада к кассе и обратно, попутно разговаривая с любопытными посетителями, пыталась чего-то считать и смотреть за Егорушкой. Но в душе молилась об одном, чтобы этот кошмарный день поскорее закончился.

В четыре должен был быть отбой, но нет же. Люди все шли, заказывали мебель со скидкой, а довольный Михалыч приказал нам долго жить и работать до последнего клиента. И еще часа полтора мы пахали, яки негры... Солнце-то еще высоко...

Когда двери торгового зала закрылись, народ наш возликовал. Кроме меня, конечно. Сейчас уйдет и кассир, и продавцы-консультанты, а Юля Петровна будет смотреть, как Егорушка и грузчики ме-е-едленно соберут оставшуюся мебель и погрузят ее в машину.

А-а-а, заберите меня домой, ну хоть кто-нибудь!

Егорушка, увидев мой настрой, отправил меня пить чай. Знает, чем женщину можно задобрить. А я и не против. Села на диванчик, вытянула ножки и стала наслаждаться тишиной. Сзади послышались тихие шаги.

Дверь в подсобку за моей спиной закрылась.

Я лениво приоткрыла глаза – Михалыч. Надо бы обуться и сесть поприличней, но сил нет даже пошевелиться. Ай, ладно. Что он не человек, что ли!

Он, конечно, человек. Сел рядом, помялся, прокашлялся. Наверное, что-то про сегодняшний день сказать хочет. Но вроде орать не настроен.

Я вежливо ждала, начальство мялось...

Потом Михалыч, видимо, заинтересовался тканью на моей юбке.

Погладил ее, прямо на моей коленке. А после и того круче, выдал:

– Юля Петровна, вы сегодня такая обворожительная! Может, мы с вами в выходные ко мне на дачу съездим? Шашлычков нажарим...

Как мои глазоньки из орбит не выпали, честно, не знаю.

Михалыч, вот вроде мужик нормальный, а все туда же...

Я так тихонечко его руку, все еще ошупывающую мою ляшечку, убираю. Похлопав, конечно, по-дружески, а то вдруг обидится. И говорю:

– Михал Михалыч, ну что вы. Какие шашлыки...

– Юля Петровна, – настойчиво продолжает он, – Вы вроде не замужем, не так ли...

– А вы, что ли, замуж зовете, Михал Михалыч? Так давайте объявим!

– Юля Петровна, шутница вы... И все же подумайте.

Так, улыбаемся и машем. Как пингвины из мультика. Я тем более недалеко от них ушла. Аккуратненько, чтобы не задеть уязвленное самолюбие шефа, поднимаюсь с диванчика и сую ноги в балетки.

– Пора мне, Михаил Михайлович. Автобус...

– Так я могу подвезти.

– Думаю, не стоит. Мне же еще в супермаркет за продуктами. Картошки надо купить, лука...

– Ну, тогда спешите, Юленька, а то опоздаете.

Шеф миленько-гаденько улыбается, ну точь-в-точь как Лизонька. Тренируются они, что ли.

А я деру оттуда. Ну их на фиг, с матримониально-шашлычными планами. Домой хочу. Завтракать, обедать и ужинать...

4

Нет, вот что за невезуха, что за подлость, скажите мне на милость! Не жилось мне спокойно, захотелось выпендриться. В белом, как невесте, походить, макияж профессиональный намазюкать. Красила себе раньше реснички и красила. Ходила в ровненьких платьях-обрубых и нормально было. За восемь лет ни разу Михалыч в мою сторону не взглянул, да и до этого сабантуя с выставкой вообще меня, наверное, по имени-отчеству не помнил. А тут – на тебе, сразу на шашлыки. Нет, всё-таки мужики – козлы, как ни крути. Нет бы в кино или кафе, на крайний случай, – ну, если так прям девушка понравилась. Я уж, конечно, не девушка, но все равно обидно. Сколько до этого пришлось от таких вот заботливых (озабоченных) поплакать. Ведь вот как только учуют, что не замужем, давай приглашать вовсю... ну, не замуж, конечно.

Как вспомню, аж тошнить начинает от этих вот:

"Может, на полянку?"

Или еще "Весна, даже щепка на щепку..."

"Летом каждый кустик ночевать пустит. Зачем такой красивой одной горевать, обогрею..."

Злость такая на все это, прям убила бы кого. Ну, ладно тогда, я после развода девчонка совсем была – скромная и послать хорошенько, по-русски, боялась. А теперь-то я, наверное, одним гневным взглядом своим всех непрошенных ухажёров отгоняю. Только вот от Михалыча никак не ожидала, честно. Еще проблем мне на работе из-за этого не хватало. Но я молодец, не нахамила вроде и мужское самолюбие не оттоптала...

Ленка, конечно, права. Я привыкла одна, и мне как будто уже никого и не надо. Но все равно иногда думается, что хочется чуток любви и серьёзных отношений. А потом поешь, посмотришь сериальчик, и вроде отпускает. Ну какой бабе не взгрустнется иной раз? Вот и я такая – нормальная, но одинокая. Поэтому и грусть мне свойственна, и злость на всех невоспитанных кобелей... За мной никто не гнался, но из здания торгового центра я вылетела, как ошпаренная, и на всех парусах понеслась к остановке. Еще не хватало на автобус опоздать. Можно, конечно, и на такси доехать, но это сейчас неприемлемо в моем положении. Я нам с Танькой на отдых коплю. Глядишь, путевки горящие подвернутся, в Турцию слетаем. Я уже и загранки обновила. Еще позапрошлой зимой, правда. Но они же не портятся. Лежат себе и лежат, ждут своего часа.

Толпа и галдеж на остановке отрезвили. Одуревший от жары народ возмущался похлеще, чем в очереди за дефицитным товаром.

Подхожу и спрашиваю женщину с огромными сумками, стоящую у края проезжей части.

– А семерка была? Случилось что-то? Такая толпа...

– АТПэшники наши забастовали, – отвечает она, вытирая со лба пот замызганным платочком. – Ни одного автобуса не ходит. Только частные газельки. А они битком, я уже час стою здесь.

Я еще раз посмотрела на собеседницу, теперь уже с сочувствием. Ее с таким багажом даже и к газельке не подпустят. А мне что делать? Может ну это все на фиг, отправиться пешком? Не так далеко до дома, всего четыре остановки.

Пока я решалась, идти не идти, уже подъехала первая частная маршрутка. Толпа подавалась вперед и началась давка. Нет, оно мне точно не надо. И только я решила развернуться и покинуть сие подозрительное мероприятие, как из-за угла вырулил микроавтобус, и как раз нужная мне седьмая маршрутка. Она ловко припарковалась практически возле меня, до двери

рукой подать. Рано только я порадовалась ей, рано... Потому как тут же меня смяло, оттиснуло беснующейся толпой и прижало к двери кабины.

Господи, Юля, какого лешего ты тут забыла?

Пока меня мутузили по обшивке авто, я пыталась не упасть с тротуара и не угодить под колеса одного транспортного средства.

– Девушка, ну что же вы такая нерешительная, – раздалось позади, и сильные руки, подхватив меня за мяконики бока, оторвали от кузова и протиснули вперед к входу. Мне кажется, я перестала дышать и вообще в эти секунды вспомнила все молитвы. Мое тельце буквально впихнули в салон, подтолкнули на одну ступеньку выше, и в этот момент раздался предупредительный: "Осторожно, ихто там у двери, двери закрываются..."

Двери закрываются...

Так и вспомнилось мне в этот момент: "Это ж-ж-ж-ж, неспроста!"

Потому что одновременно с этим самым ж-ж-ж-ж в меня сзади впечаталось мощное мужское тело. И тут наступил апогей моих чувств. Голова закружилась и я, наверное, обмякла. Потому как сильные руки снова обняли меня, и утрамбовыватель автобусов прямо в ухо прошептал:

– Держитесь, милая моя, иначе мы с вами сольемся сейчас в единое целое...

Шутка удачная, отрезвила моментально. Как и мурахи от его голоса, табуном проскакавшие от уха и вдоль позвоночника. Плюс ко всему собеседник был явно выше меня. И прилично, так что моя пышная пятая точка упиралась ему в твердый...

...В твердую пряжку ремня упиралась. Но честно сказать, мне кажется, я чувствовала каждую накаченную мышцу на его теле. Кто этот Аполлон, этот бог?! Покажите мне его! Я хочу пощупать его глазами!

Ну что за мысли, что за день! Тут уж я решила взбрыкнуть:

– Мужчина, не дышите мне так в ухо! Зачем вы так дышите!

– Предлагаете мне совсем не дышать? – парировал он.

– Ну нет, конечно, но не так же!

– Хорошо, попытаюсь дышать в другую сторону.

Мой попутчик пошевелился, насколько это было возможно, и стал дышать мне в шею. Табун мурашек начал новый забег.

Снова ругаться? А будет ли толк? Хотя чего наглею? Я практически на нем лежу. А вот сейчас на повороте уже он на мне. И то, что он мне дышит в шею, вообще самое безобидное. Но мне от этого не легче.

– Главное, чтобы шов на юбке не лопнул, – бубню я, больше себе, чем кому-то.

– Я прикрою, – тут же вежливо отозвался незнакомец.

– Что, прямо до дома прикрывать будете?

– Я не против.

Вот тут уже и пошлые мысли в моей бедовой головушке вылезли из темного уголка и понеслись вскачь, но их быстренько притормозили, зычно так:

"Ихто там у двери, передавайте за проезд, я к вам не дойду!"

Страшно было представить, что кто-то начнет двигаться в нашу сторону. Что-то подобное, видимо, подумал и мой попутчик. Он доверительно прошептал:

– У меня деньги в переднем кармане брюк, но я не уверен, что смогу их достать.

Я тоже не была уверена, что там стоит искать деньги, и так напряжение между нами достигло невиданных высот.

– А у меня в сумочке в боковом кармашке пропуск, в нем сто рублей. Сможете найти? Я просто думаю, что она где-то за вашей спиной осталась.

– Да, я ее чувствую. Э-э... Вы мне настолько доверяете?

– Вы знаете, у нас с вами такие тесные отношения... Как тут без доверия?

Он хмыкнул, оценив шутку. Мурахи дали старт на очередной забег. И вообще, мне подумалось, что именно с ним, здесь и сейчас, вдруг проснулась Я – всей своей женской сутью и каждой клеточкой. Еще чуть-чуть и тело мое начнет вибрировать от скопившегося напряжения...

– Алексей.

– Что? – не сразу поняла я.

– Меня зовут так, мама с папой назвали. Кажется, я нащупал замочек на вашей сумочке, но не пойму, как открыть.

– Он с секретом. Три раза против часовой и один раз обратно. На пол-оборота. Юля.

Да, Юля, растеклась... Соберись, дура, блин!

– Все, готово, Юленька. Книжечку нащупал, сейчас попробую выудить деньги.

"Передаем за проезд, не стесняемся..."

– Да как это не стесняемся, тут все, что можно уже стиснуто, – сдавленно прохрипел мой попутчик на очередном повороте направо.

– Простите, – провинилась я. В кои-то веки мысленно попеняла на свою пышнотелость.

– Нет, ничего страшного. Просто у меня сегодня день напряженный. С утра как-то не задался, честно. Вы меня простите за реакцию, если вас это сильно смущает.

Смущает, конечно. Не каждый день я ощущаю себя настолько сексуальной и обворожительной, что на меня так откровенно реагирует мужчина... Причем я уверена, ему прекрасно видно мой румянец. Да какой там румянец, пурпурец просто! Так раскатать воображение, Юля! Ну вот что он обо мне подумает?

И вообще, это похоже на прелюдию самого низкосортного порнофильма. Я не смотрю, но Ленка – она с мужем иногда практикует. Потом, захлебываясь эмоциями, подробно рассказывает. Теперь, похоже, буду рассказывать я.

Кое-как Алексей вытянул руку вверх и передал деньги. Я попыталась отодвинуться, но тщетно – нас капитально приклеило друг к другу. Хорошо хоть ехать недолго. Словно подслушав мои мысли, попутчик спросил:

– А вам на какой выходить, Юля?

– Мне на Лермонтова, а вам?

– После вас на следующей. Может, мы с вами увидимся в другой обстановке?

Я напряглась. Что за день-то такой...

Алексей, поняв двусмысленность вопроса, поправился:

– Сходим в кафе, поедим мороженое.

Юля, собери мозги в кучку! Ответить что-то же нужно. Согласиться?

И тут я неожиданно включила дурочку. Не знаю, может, от переизбытка эмоций. Или оттого что толком не разглядела этого качка, а только так, ощутила каждой клеточкой.

– Позвоните на выходные. Телефон продиктую, запомните?

– Конечно, – заверил он, как будто каждый день по сто номеров запоминает.

– 8 912 341 86 42.

Не запомнит ведь.

– Я позвоню, обязательно. И за вашу доброту обязательно угощу вас самым вкусным мороженым.

– За какую доброту? – снова ступила я, пытаюсь привести в нормальное состояние свой расплавленный мозг. Мне почему-то это мороженое сейчас привиделось совсем не в креманке...

– За то, что оплатили проезд, Юль. Буду должен. Кстати, сейчас будет ваша остановка. Я помогу вам выйти, не торопитесь.

– Хорошо, – пролепетала я. Надеюсь, не так грустно, как было сейчас мне.

Ей-богу, как подросток. Ну это Таньке моей впору себя так вести, но мне-то уже под сорок. Дура, вот дура!

Еще через две минуты наши тесные отношения были разрушены – микроавтобус остановился, и дверь открылась. Алексей вышел, подав мне руку, помог спуститься со ступеней. У нас было ровно несколько секунд, чтобы разглядеть друг друга и еще раз извиниться. Он, кажется, тоже немного смущен. И я, как девица на выданье, стою и краснею.

– До встречи, – бросает он, машет рукой и залезает обратно.

– До встречи, – бормочу я уходящей маршрутке.

Ну и что это было сейчас такое, Юлька? Стыдобища просто какая-то. Ленке расскажу, не поверит...

5

Я не помню, как дошла до дома. Вообще не помню. Долетела, добежала? Переместилась по ветру? Господи, как меня колыхало, кто бы знал! Сама понять не могла отчего. То ли от чувств, так внезапно нахлынувших, то ли от стыда за них. И этот мой попутчик, бедненький! Ему ж еще дальше ехать, успокаиваться. Хотя такому красавчику наверняка есть с кем... Да, конечно, есть...

Перед глазами снова нарисовался образ. Всего несколько секунд было достаточно, чтобы понять – он моложе. И он красив, блин, как бог. Эти правильные черты лица, словно выточенные из камня, и чувственные губы, и волевой подбородок. С той самой ямочкой, прям как в классическом романе. И глаза цвета грозового неба. До сих пор кажется, что он смотрит насквозь, в самую душу. Рост на самом деле не такой высокий, как показалось вначале. Алексей всего лишь на голову выше меня, а может, и того меньше.

Я закрыла глаза и на миг представила, как прижимаюсь к нему, а он нежно целует меня в макушку. Да, именно вот так, нежно, любя... И мне понравилось это ощущение. Я бы запуталась в его жестких волосах, вдыхала бы его аромат. Кстати, туалетная вода у него просто бомбическая. Что-то знакомое, но еле уловимое. Смешивается с его запахом и... у меня срысывает крышу!

Что же за день сегодня такой! Куда меня несет?

Убедить себя, что я полная дура, непонятно на что надеющаяся, я смогла примерно минут через сорок. После того как сходила в душ и хорошенько рассмотрела себя в зеркале. Пока еще умещаюсь в нем, слава Богу. Но для покорения молодого и красивого мужчины как бы маловато. В смысле не меня маловато, а стройности. А еще и морщины, собаки, лезут. Вот только ведь не было. Но это, видимо, с утра спросонья я их не разглядела. А сейчас, после рабочего и такого насыщенного дня, эти гадины отчетливо видны. И их, по-моему, до фига. Можно бы и поменьше. Ну вот этот Алексей, он точно их успел разглядеть. Испугался и уехал. Я показала себе язык, обмоталась махровым полотенцем и пошла заедать тоску. Нечего на молоденьких красавчиков заглядываться...

Ленка, конечно, меня тоже дурой обозвала. Только по другому поводу. Она мне верещала в трубку, что это я должна была у него спросить номер телефона. И непросто записать, а буквально умудриться сделать татуху на плече. Чтоб не забыть и не потерять. И вообще, есть статистика, по которой мужики – это сплошной дефицит. А таких, от которых голова кругом идет – и подавно. Я же должна была его пригласить на чай, кофе или чего покрепче, потом охмурить, захомутать и сделать навеки своим. И, баба я неразумная, коли до этого не умудрилась догадаться, то вообще могу на себе поставить крест...

Ленка, конечно, разошлась, не спорю. Видимо, не отпустило ее еще. Но в чем-то она была права. Наверное, в том, что я полная дура. Но и то, только потому, что на что-то надеюсь. Или надеялась, особенно последние полчаса. Плотно позавтракав, пообедав и поужинав одновременно, мне стало легче. Намного. Жизнь, она вообще хорошая штука, и нефиг заморачиваться из-за того, что произойти в принципе не может, правда ведь? Я взяла недочитанный детектив Ловыгиной и улеглась на диван. Очень хотелось спать, но нужно дождаться Таньку. У нее сегодня танцы, придет поздно. Но сон меня сморил, и когда Танюшка пришла, я не слышала...

Проснулась от неприятного ощущения мокрой подушки под щекой, – это я опять с открытым ртом спала. Надо же, как меня отключило. Танька в своей комнате – щель из-под двери светится. Тихий бубнеж ее, то ли учит, то ли с кем по телефону...

Я тихонько встаю, а голова кружится. Осела, привалилась к спинке дивана. Мушки перед глазами. Что это? Давление? Старость?

Пока всматривалась в потолок, стала отчетливее различать слова дочери. И вот мне уже совсем не хочется шевелиться.

"Сама, конечно, поцеловала... Нет, но под юбку залез... Не знаю, не поняла... Я боюсь теперь, как... Да ты что... Свет, как мне теперь быть с ним..."

Сон как рукой сняло. И мурашки сняло, и давление. А дочь у меня повзрослела, оказывается, пока я мечусь от работы и до собственных переживаний об одиночестве.

Пойти, спросить? Так неудобно, я же, получается, подслушала. Может, сама расскажет потом? Ага, как же... Это раньше она со мной делилась каждой царапиной и обидами на соседских ребятишек. Но потом дочь как-то внезапно повзрослела, остепенилась. И не нужны ей стали мои жалелки. Я вроде к ней, обнять, приласкать, а она как будто стесняется. Даже если мы только вдвоем.

Так, значит, у моей Танюши кто-то появился! Ну, наверное, это хорошо? Восемнадцать уже исполнилось, пора и роман с кем-то закрутить. Легкий. Главное, что она девочка серьезная. О том, как важны отношения в перспективе на будущее, понимает. И то, что в постель спешить не стоит – мы обсуждали. Ну и про то, как и чем предохраняться, и какие мужики безответственные, я ее тоже науськала. Поэтому я совершенно за нее спокойна. Да, спокойна. Совершенно. Сейчас только валерьянки выпью и успокоюсь. И спать пойду. А потом как-то надо потихоньку выводить ее на разговор...

Утро вечера мудренее. И у меня мозг отдохнул и воспринимал все произошедшее вчера более отстраненно, и Танюшкин тайный роман меня уже не изводил. Если бы не валерианка, извела бы себя за ночь я. Но меня отключило, я выспалась и теперь сижу, наминаю сытный завтрак. Танька выковыривает мюсли из йогурта.

Идиллия.

– Дочь, как в универе?

– Все нормально, ма.

– Когда сессия?

– Уже, но нас разделили по группам, и я пока только сдаю хвосты...

– А они разве у тебя есть?

– Мам, ну что за вопрос, конечно, есть. Ты думаешь, все препода такие добренькие, как в школе? Каждый из них чего-нибудь, да хочет...

– В наше время проще было, мне кажется. Деньги есть на проезд?

– Да, еще остались. Мам, я сегодня поздно приеду, у нас концерт намечается, репетируем.

– Хорошо... Ты только меня в курсе держи, во сколько тебя ждать.

– Я думаю, не допоздна же репетировать будете?

– Нет, конечно. Но ты не переживай. Мы с Олеськой из соседнего дома возвращаемся вместе. Так что не страшно. Ну и оттого что посидим немного на лавочке, ничего с нами не случится.

– С Олесей? Ну, ладно. С Олесей, так с Олесей. У тебя точно все в порядке?

– Ма-а-ам! У МЕНЯ ТОЧНО все в порядке.

– Ну ладно. Опаздываю, побежала на автобус.

– Не забудь, пожалуйста, про авокадо, ма! – донеслось из кухни.

Я, в свою очередь, из коридора ответила, что куплю. Пригладила перед зеркалом синенькое платьё-чехол, надела туфельки и побежала на маршрутку.

На другую, а жаль. Седьмой маршрут ходил через центр, а мне теперь на пятнадцатый, в промзону на нашу фабрику. А значит, шансов случайно встретиться с Алексеем у меня больше нет.

6

Таня.

Танька крутила задницей перед зеркалом третий час подряд. То она вдруг решила перемерить весь гардероб, то достала из антресоли отрез атласа нежно-мятного цвета, оставшийся после пошива выпускного платья, и, обмотавшись им, принялась танцевать. В завершение все-таки надела джинсовую мини-юбку и белый просвечивающий блузон с огромным жабо. Вульгарно, да. Но этого требует ситуация. А ситуация патовая – она умудрилась в первом же семестре первого же курса завалить математику. Липатов, будь он неладен, снисходительно дал шанс исправиться. Но и тут Танюша сплеховала. Не исправилась. Второй семестр внаглую прогуливала все его занятия. Ну а что, застрелиться теперь, что ли, ей с этой математикой?

И все бы ничего, но если в итоге не выйдет хотя бы четверки, то стипендии в следующем учебном году ей не видать, как собственных ушей. А маман навряд ли станет давать деньги на карманные расходы, если узнает, что ее отличница, красавица и умница просто-напросто прогуливала практически все занятия по этой чертовой высшей математике.

Вот Светка с параллельной группы вообще посоветовала ей пригласить препода, этого старого хрыча, сразу в сауну, но Таня решила действовать окольными путями. Для начала соблазнить Липатова, влюбить в себя, получить желанный зачет и твердую четверку, ну а потом, когда-нибудь, уже взяться за ум и походить (для вида) на эти дурацкие скучные лекции.

Капец, конечно, план. Так себе, хлипенький. Но вариантов нет. Все выучить за неделю она не успеет, а деньги ей нужны. Да и отношения с матерью портить совсем не хочется. Та так гордится красным аттестатом дочери, что даже в "Одноклассники" фотку с ним выставила, чтобы похвалиться своим подружницам.

Что делать? Придется соблазнять. И когда-то ведь надо вступать в эту самую взрослую жизнь. Уж если и вдруг... то лучше с опытным Липатовым, чем с сопливым Максом, который до сих пор ходит вокруг да около, и сам не знает, похоже, чего ему хочется.

Другое дело Липатов. Конечно, он староват для нее, но в принципе довольно симпатичный. И тело у него шикарное для его возраста. А вообще, как говорит Светка, тридцать шесть для мужчины ещё не возраст...

Ну, во всяком случае, Танька надеялась, что сможет повести себя правильно – как золушка. Соблазнить, победить и вовремя смыться. Потому как запретных отношений ей точно не хочется. И, дай бог, об этом не узнает маман.

Красная помада, выданная всезнающей подругой, была беспощадно стерта с пухленьких губ влажной салфеткой. Нет, такую точно не нужно. К огромным карим глазам с таким невинным взглядом на губах лучше всего будет смотреться розовый блеск. Черт, блузка, конечно, совсем в облик и ничего не скрывает. Ощущение, что на худенькое тело надет лишь бюстгальтер, воротник с манжетами и этим дурацким жабо. Сроду бы такое даже не купила. Конечно, в ее гардеробе таких откровенных вещей и подавно не бывало, поэтому пришлось выпрашивать у соседки Маринки.

Марина работала официанткой в ночном клубе, и подобная прелесть у нее была аж в нескольких экземплярах. Соседка долго ерепениться не стала. Выслушала, выдала униформу, процедила сквозь зажатую в зубах тонкую сигарету: "Не глупи только!" И сунула в кармашек Танькиной джинсовки новенькую упаковку презервативов.

Босоножки на высокой шпильке остались еще с выпускного. Украшенные стразами лакированные пряжки изящно облегли тонкую щиколотку, радовали глаз и делали Танюшу, кажется, немного старше. По крайней мере, она чувствовала себя именно так. Поболтала

ногами, сидя в кресле, затем прошлась по залу вдоль и поперек, оттачивая соблазнительную походку. Пять раз вздохнула от волнения, но переодеться больше не решилась.

Часы почти дотянули пузатую толстую стрелку до двенадцати. Нужно выходить, бежать на остановку, потом доехать на маршрутке до универа. Лишь бы с матерью не столкнуться. Увидит в таком наряде – убьёт, это точно.

Алексей Сергеевич Липатов – преподаватель высшей математики, терпеть не мог завершение семестров. Хронически не вывозил. Как правило, последняя неделя перед зачетами была самая сложная. Все старались подтянуть хвосты, исправить неисправимое, рассказать наспех выученное. Он же старался быть в этом вопросе принципиальным. Высшую математику нужно в идеале понимать. А наспех ее вы зубрить совершенно невозможно. Потому и должников не принимал, а на своих парах был предельно строг. Да и вообще, в целом, злопамятен. Раздражала больше всего наглость современных студентов. Многие из них пытались решить вопрос с помощью денег. Девчухи и того лучше, просто пытались соблазнить или скомпрометировать. Неважно. Бесило. И отсутствие кольца на пальце являлось в этом вопросе спусковым крючком. Наглые пустоголовые соблазнительницы вешались на каждом шагу.

Липатов взглянул на часы. До окончания пары осталось пятнадцать минут. Нужно бежать. Именно сейчас, не позже. Потом ведь прохода не дадут.

– Итак, товарищи студенты! Записываем из методического пособия триста шестнадцатое задание в свою тетрадь. Чтобы дома вы могли его решить самостоятельно, заодно и закрепить изученный материал. Прошу простить, я выйду на минуту, мне нужно сделать важный звонок. Если не вернусь до окончания пары, все, как и прежде: методички на стол, староста журнал забирает с собой.

Он ещё раз окинул мрачным взглядом сонных и недовольных студентов. Последние деньки мая, а жара уже стоит невыносимая. Солнечная сторона – аудитория раскалена, не спасают даже полностью открытые окна. Немудрено, что детям не лезет в голову эта математика. Он бы и сам не прочь сбежать с занятий и просто погулять по парку.

Липатов выскользнул за дверь, бесшумно прикрыл ее и, практически на цыпочках, стал пробираться по коридору в бывшую лаборантскую, а по факту – в свой рабочий кабинет, который он делил с преподавателем физики. Удрать до окончания пары – единственный шанс спасти себя любимого от должников. Уж лучше отсидеться всю перемену за закрытой дверью, чем отбиваться от нерадивых студентов.

Алексей юркнул в кабинет, тихонько прикрыл скрипучую дверь и тут же закрыл её на ключ.

Лаборантская представляла собой этакий склад ненужного и устаревшего оборудования. Коробки, набитые разным хламом, который, возможно, ещё когда-нибудь пригодится, лежали на высоких стеллажах по обе стороны. В самом дальнем конце узкого помещения полубоком стоял длинный стол. И все бы ничего, но проход загорожен кипами наваленных архивных документов. Просто потому, что архива в здании университета нет, а выкинуть некоторые бумаги еще нельзя.

Липатов вздохнул. Конечно, хотелось бы кабинет чуть просторнее, и вообще не делить его ни с кем. Но это не в стенах этого учреждения. Университет переживал не лучшие свои времена, потому жаловаться не стоило.

Он прошел к подоконнику и щелкнул кнопку электрического чайника. Шум закипающей воды раздражал слух, и Липатов устало потер виски, пытаясь избавиться от головной боли. Он обошел стол и безвольно плюхнулся на кресло. Хотелось разрядки, отдыха, нормального сна. В выходные лучше отложить все дела и рвануть в деревню, в родительский дом. Там лес рядом, речка. Погулять, подышать свежим воздухом, забыть вот это все.

Представляя себе загородные пейзажи, совсем расслабился, откинулся на спинку и закрыл глаза. Но через несколько секунд вздрогнул от неожиданности. На его ногу легла худенькая женская рука и медленно начала двигаться вверх по бедру.

Вот черт!

Татьяна, кутаясь в джинсовку, добежала от остановки до универа. Там зашла через запасной вход и, не поднимаясь в аудиторию, вышла снова в фойе к охранному посту. Представившись дежурной, попросила ключи от лаборантской. Охранник даже не спросил зачем. Он, развалившись на стареньком диване, с аппетитом грыз сухарики и, прихлебывая горячий чай, смотрел новые видеоролики в телефоне.

Все оказалось даже проще, чем она ожидала. До окончания пары оставалось почти двадцать минут. Стоило поторопиться и прийти в лаборантскую раньше Липатова.

Таня поднялась на третий этаж, нашла нужный кабинет. Ключ вошел легко, и дверь открылась без проблем. Воодушевленная успехом, она закрыла замок изнутри, осмотрелась.

Что дальше?

Кабинет тесный, ждаться у двери не вариант. Ни диванчика, ни удобного кресла нет. Подоконник завален бумагами, даже электрический чайник, и тот ютится у самого края. Она обогнула коробки с документами, наваленные посреди кабинета. Единственное место, где она могла спрятаться, чтобы Липатов не выгнал ее в первую же минуту, – пустое пространство под столом. Тут, в углу, и освещение скудное, и, если присесть на корточки и прижаться к дальней стеночке, можно будет надеяться, что он не сразу ее заметит.

Руки вспотели, Танька с раздражением вытерла их о джинсовку. Тут же подумала, что толку от ее просвечивающей блузки, если все прикрыто? Курточку быстро сняла и сунула за спину.

Ключ в замочной скважине заворочался ровно в тот момент, когда она наконец выбрала удобное положение под столом, но села так, чтобы было и не слишком её заметно.

Буквально через пару секунд Таньку начало потряхивать от волнения. Не зря ли она все это затеяла? А если он ее сейчас выгонит? А если в кабинет вошел вообще не Липатов? Да нет, препод по физике на больничном, это его ключ она забрала на вахте. А второй только у Липатова. Он его никому не доверяет. Маразматик чертов, старый пень! Господи, как его совращать-то? Что говорить? Вспомнила Светкины инструкции, с трудом сглотнула – от волнения во рту пересохло. Зашумел чайник, и Танька выдохнула – теперь можно не бояться, что Липатов услышит её раньше времени.

Длинные ноги ненавистного математика оказались прямо у нее перед носом – еще чуть-чуть, и он заденет ее. Нужно решаться. Таня протянула мокрую ладонь и, прижав ее к грубой ткани джинсов, повела рукой вверх по ноге мужчины. Он дернулся, шумно выдохнул и выругался. Но не соскочил со стула. Уже что-то, может, и не выкинет ее за шкварник, как котёнка?

– Ну и что ты медлишь, девочка? – услышала она.

Он что, даже не откажется? Привык? Значит, я не первая пришла сюда испралять? Ну, конечно, нет, Светка же не зря насоветовала.

Вдруг мужчина вцепился в ее запястье и, резко откатившись на кресле, с силой выдернул Таньку из-под стола. От неожиданности она растерялась и, распластавшись на его твердом теле, уставилась немигающим взглядом на губы, растянутые в злой усмешке.

Что-дальше-то делать? Лезть целоваться?

– Ну, что же ты вся такая несмелая? Раз догадалась, как проникнуть в мой кабинет, то, думаю, и вопрос о том, как ублажить взрослого мужика изучила?

Танька судорожно сглотнула.

Глупая, зачем пришла, ведь теперь уже не скажешь, что тут просто пыль вытирала или архивы искала... Отмотать бы время назад, не слушать Светку, не прогуливать пары. Но не получится так, это не сказка про добрых фей. И уже зашла так далеко...

Она, как замороженная, смотрела в его злые серые глаза и думала зачем? Зачем она пошла на это? Но другого выхода теперь уже не видела, назад дороги нет...

7

Юля.

Все утро я себе врала, что о нем не думаю. Сидела с напыщенным видом за рабочим компом и старательно изображала кипучую деятельность. Выгружала оборотки, сравнивала чиселки в ведомостях, прекрасно зная – там идеальный порядок.

Чего не скажешь о моей голове. Там хаос. Там буря и шторм. Там идиотские девичьи надежды и мечты о прекрасном принце. Там бьет шампанским любое воспоминание о его упругом и сильном теле.

Но, черт возьми, он моложе! Естественно, что он будет такой... аппетитный. Это я размазня. Нет, нужно что-то делать. Надо и впрямь заняться собой, подтянуться. Раскисла за последнее время. Потому как не для кого стараться. Вся моя жизнь состоит из трудовых будней и Танькиных потребностей и хотелок. Иногда и я тоже чего-то хочу, но чаще всего это сводится к очередному шедевру кулинарии или новому высококалорийному блюду. Что сказать, я на этом просто помешана. И, конечно, это вредит моей фигуре. И не просто вредит, а приводит меня к мысли, что придется выбирать одно из двух: либо сомнительное удовольствие быть стройняшечкой и, как моя Танька, лопать одни капустные листья, уподобившись вечно голодной козе. Или просто жить и наслаждаться жизнью, такой какая есть.

Несомненно, я всегда выбирала второй путь. Но уверенности во мне все равно не добавилось.

Это Ленка вчера визжала от восторга, что мне мужик наконец помоложе повстречался, и в постели с ним будет ого-го. Это она убеждала меня, что с ним я, наконец-то, почувствую себя живой. Да что там говорить, уже почувствовала, причем каждой клеточкой. Но зачем я ему такая квашня? Все дело во мне...

Танька, конечно, не в счет, она уже взрослая, а не маленький ребенок, который одним своим существованием может отпугнуть мужика. Хотя если кого и пугал сей факт, я всегда отправляла их лесом.

Вот и получается, что я, как та обезьянка – и умная, и красивая. Понимаю, что шансов практически нет. Но очень хочется. Быть женщиной хочется, любимой и нужной.

К обеду вспомнился мне и ранний брак, и измена мужа, и развод. Мой бывший ушел в один день. Собрал шмотки и умотал к другой, оставив меня с грудным ребёнком. Если бы не свекровь, то пошли бы мы с Танюсиком по миру. Но она быстро разобралась в случившемся, забрала нас со съёмной квартиры к себе и в прямом смысле слова заставила жить. Ни убиваться по этому козлу, ни плакать не разрешила. Убедила восстановиться в ВУЗе, в котором у меня был академический отпуск, потом помогла с работой и через каких-то знакомых и с садиком для Танюшки. Сильная и воинственная, с горячей кровью, она показала, что можно быть независимой и жить вполне себе счастливо. И я, впитав эту независимость, очень долго ей наслаждалась, отпугивая все корабли, мимоходом пытающиеся причалить к нашей пристани. А потом вдруг и время пролетело. Вот и дочь выросла, вот и мне почти сорок.

Свекровь оставила нам квартиру, уехала на родину, и в Россию возвращаться не желает. Иногда мы видимся: бывает в гостях у нас она, ездим мы. В нашу жизнь не лезет. Но ее вот это золотое правило – не зависеть, оно в крови. Хочется, конечно, прижаться к мужскому плечу. Но...

Но почему я до сих пор не могу себе этого позволить?

Нужно на психологический сеанс к моей лучшей подруге Ленке. Она точно знает, что у меня не так. И советов надаёт, и диагноз поставит. Диагноз, правда, у нее для меня всегда один: "Дура".

Но кто, как не она мне еще волшебного пенделя даст!

Скисла я. К обеду вообще поплохело. Ладно хоть Ильинична, наш главбух, принесла пирог с грибами и картошкой. Перекусили, чайку сладенького попили, заели шоколадкой, принесенной кем-то из сотрудников в знак благодарности. Ещё и позубоскалили о том, что Михайч в командировку умотал и наконец-то взял с собой Лизоньку. Полегчало.

После обеда объявилась Ленка. Не собственной персоной, конечно. А смс прислала. У меня от звука пришедшего сообщения сердце бухнуло и понеслось вскачь. Это диагноз. От сердечного приступа, на фоне необъяснимой щенячей радости, спасло понимание, что написала всего лишь верная подружница, а не мой попутчик.

Давай, говорит, научу тебя краситься по-нормальному. Далее – список пунктов штук пятнадцать, что мне необходимо прикупить из косметики.

Я ведь только "за", краситься действительно до сих пор не умею. Так, реснички подкрашиваю, да на губы прозрачный блеск... А наносить правильно макияж и красивой быть очень хочется.

Только вот при виде списка и после легкого подсчета мои глазоньки начали дергаться поочередно. Это ж какие деньжищи нужно потратить на мою красоту! Не, в жизни не поверю, что все так плохо. Так Ленке и написала. На что она скинула краткие видеоуроки, что для чего нужно. Не отвертисься.

Смирилась. Она в этом спец, а мне остаётся только на нее положиться. Значит, после работы иду в Летуаль, он как раз по пути от остановки до дома. Премию жалко, конечно, но быть такой же эффектной, как и вчера, очень-очень хочется. Тем более что рыбы такие клюют, закачаешься...

В магазине меня полюбили, ободрали как липку и, вручив малюсенький пакетик, отправили восвояси, клятвенно пообещав, что вскоре на карту вернется приличная сумма баллами. М-да, на эти деньжищи из Пятёрочки пакеты потяжелее будут. Надо, кстати, и за продуктами зайти. Таньке комбикорм, в смысле мюсли, купить, еще хлебцы, салат и авокадо.

В универсаме я повздыхала у холодильной камеры, разглядывая аппетитный торт за стеклом, но, памятуя о безудержном гневе Ленки, вышла несолоно хлебавши. Зато у меня дома еще печенки есть, и пахлава.

Ленка пришла практически сразу, не дав мне погубить себя ужином. Всучила рекламку о занятиях по аквафитнесу в нашем бассейне. А потом, рассмотрев купленные мною тубики, долго и нудно объясняла, что и как наносить.

Ой, я вообще ничего не запомнила. Попросила ее на мне все это показать, сразу. Но Ленка срочно умотала домой – позвонил ее дорогой и любимый муж, сказал, что не знает, как делать рисование с сыном. Им там жирафа наваять задали.

Ленка меня горемычную бросила. А я думала, думала и решила, что стоит потренироваться. С высунутым языком долго корпела над своим лицом, пытаюсь превратить себя в королевишну. Руки трясутся, в тубиках всего так мало. Господи, зачем мне такое мучение? Часа через полтора осмотрев результат своих трудов, осталась довольной. Именно с такой вот накрашенной и радостной физиономией и застала меня Танька.

– Мам, ты чего? – чуть ли не с порога брякнула она.

– И тебе привет. Просто хочу быть красивой. Учусь наносить макияж.

– Мам, ты чего, влюбилась, что ли? – с усмешкой прибила мой восторг Танюша.

Я, кажется, на минуту, но покраснела. Не сразу нашлась что ответить. И дочь, не дожидаясь моих сумбурных оправданий, добила:

– Да ладно, мам. Ты чего? Ну все это так, пыль в глаза. Тебе же сорок скоро, какая любовь? И вообще, накружилась ты стремно. Как баба на ярмарку.

– Тань, иди ты... жуй свое авокадо с салатом.

– О, ты купила! Спасибо, ма. Люлю тя! Ты у меня и без мейкапа красивая, правда! – вмиг подобрела Танька.

Конечно, волшебные слова – "салат" и "авокадо"...

– Ты ужинала? Чай будешь? – это она уже из кухни кричала.

Я отказалась. И, расстроенная, пошла смывать эту высокохудожественную хрень.

В пятницу разболелась голова, зубы, руки, ноги, живот... Все разболелось. Отпросилась домой, поплакала. Дура я, одним словом.

Не позвонил до сих пор. И вряд ли он позвонит...

8

Хандру долой и Таньку за борт! В смысле я ее тоже с утра пораньше подняла, нечего до обеда спать! Она долго гундела, что я злая вредина, не люблю ее и не жалею. Но я ее эти шуточки наизусть знаю, мне до них дела нет.

После легкого завтрака (я тоже поела мюсли, правда бутер с колбасой все равно умяла), мы с Танюшей занялись генеральной уборкой. Традиция такая у настоящих женщин – обязательно испортить один выходной тяжелой и нудной работой. Но вместе всегда веселей. С Танюхой моей тем более. Она включает музыку, и мы в темпе начинаем порхать по квартире, оттирая, отмывая и приводя все в идеальный порядок. Это тот единственный момент, когда я готова активно двигаться во вред моим лишним килограммам. Может, всё-таки записаться на танцы, как советует дочь?

К полудню мы уже успели навести чистоту и немного устать. Танька совсем была не в духе и, снова напялив свои огромные наушники, ушла в комнату, заявив: "Мама! Я Спать!"

Что поделаешь, у студентов недосып – это хроническое. Хотя Ленка говорит, что это не от усталости, а от неокрепшей нервной системы. А во сне нервы и восстанавливаются, и укрепляются. Так что я не обиделась, пусть спит моя Танюшечка. А я сложила постельное белье в стиральную машину, загрузила программу и собралась попить чайку. Вспомнила про желание поухаживать за собой, по пути из ванной комнаты намазюкала маску из каких-то супер-пупер водорослей, пусть омолаживает. Поставила чайник, прилегла на диван отдохнуть.

Будь оно все неладно – и нервотрепка эта, и неделя бешеная, но я задремала, сладко так. Только из дремы меня вывел звук входящего сообщения. Смотрю – с незнакомого номера.

"Привет. Это твой попутчик, Алексей. Увидимся? Если не занята, могу сейчас перезвонить."

Меня таким жаром обдало, аж с ног до головы волна прошлась. Я хватаю телефон, пишу одно сообщение, стираю, тычу второе...

Господи, что написать?

"Где ты, скотина такая, пропал, я из-за тебя ночей не спала!"

Или "Привет, рада, что написал. Давай встретимся?"

Или как сейчас принято, просто "Ок"?

В итоге на пятой версии мозг собрался в кучку и выдал: "Привет, я не занята, звони."

Отправляю, жду. Тишина.

Секунда, две, три...

Да ёлки-палки, что ж не звонит!

Но в этот же момент слышу другой звук, от которого сердце мое сжимается. Машинка из ванной выдаёт жалобное "пи-пи-пи".

Бросаю телефон, несусь в ванную. Так и есть, ошибка! Моя бедненькая старушечка стоит и моргает всеми лампочками, пытаясь объяснить, что ей плоховато. Мне аж плакать хочется – вот это момент! Прямо вот вовремя!

Главное, что большую трату денег я никак не планировала в ближайшее время, да и с починкой вопрос тоже ребром встанет. Макарыч, мой проверенный "муж на час", услугами которого я пользуюсь не первый год, давно советовал мне ее заменить. Но мне все жаль, хорошая машинка, я к ней привыкла: и функций лишних нет, и стирает отлично. Стирала...

Бегу обратно в зал, хватаю телефон. Ищу номер Макарыча и звоню, звоню. А он не отвечает.

Совсем уже в панике тычу смс: "Выручай! SOS! У меня беда, машинка встала, как только сможешь, срочно выезжай! " Отправляю.

Бегу в ванную, пробую перезагрузить программу, выдергиваю вилку из розетки, включаю заново. Ничего. Уже, видимо, совсем от расстройства хватаюсь за ручку и тяну на себя. Раздается легкий щелчок и вуаля! Вся мешанина из грязного мокрого белья и мыльной воды изрыгается мне под ноги.

Молодец, Юля! Садись, пять. Я реву, ну не дура, а?

Пиликает телефон, лежащий на машинке, смс: "Адрес напиши." Тычу адрес. Ну, Макарыч! Небось опять после запоя. Надо дверь ему открыть заранее, сам зайдёт, не в первый раз.

Теперь уже непонятная злость на Макарыча отрезвляет. Оставляю приоткрытой входную дверь и иду спасать от потопа соседей. Третьего испорченного потолка они мне не простят! Вот они, славные выходные! Наслаждаемся и черпаем воду!

Через пять минут, наконец, пришла подмога. Я покидала в ванну мокрое белье и все ещё, раскорячившись в интересной позе, черпала воду совочком. И вот слышу, как зашел Макарыч, кхекает. Я к нему спиной, уже почти незареванным голосом, но ворчу:

– Макарыч, ты чего трубку не берешь! Капец, у меня тут что творится! Чего стоишь, проходи! Надо было тебя послушать, новую покупать...

Тишина в ответ. И Макарыч как-то странно еще раз кхекает. А я злая, у меня потоп, я снова за совочек, снова спасаю соседей от испорченного потолка. У меня время идет на секунды! Но наконец-то мой мозг туго, но как-то соображает, что что-то не так. Я резко встаю, поворачиваюсь.

Твою дивизию, Юля! Ты кому сообщение отправляла?

На пороге ванной уже снял носки и стоит, штаны до колена закатывает, не кто иной, как мой попутчик – Алексей.

– Ой!

Очень содержательно, Юля.

– Ну, вообще да... – выдает Алексей, хитро улыбаясь.

– Ты з-зачем раздеваешься? Мокро же, – запинаясь, отморозила я.

– Спасать тебя буду. – Алексей берет меня за руку, и тихонечко тянет на себя, а я, словно замороженная, иду не сопротивляясь. Мой бог, какой он красивый!

– Юля, иди пока, чайник поставь. Я сам тут разберусь.

Я киваю, соображаю туго, но ухожу. И только на кухне понимаю, что я в домашнем, вся мокрая, с зеленой маской на лице... О-о-о-о-о, кошмар, позорище!

Бегом умыться под кухонным краном. Схватила вафельное полотенце, утерла лицо. Налила в чайник воду, поставила греться, задела рукой вазочку с конфетами, рассыпала. Собрала. Руки трясутся, сердце где-то в горле стучит. Ёлки-палки, у меня там на веревке лифчик висит, и труселя! И тюбик от пасты не закрыт...

В ужасе прикрыла лицо руками, считаю до десяти, потом еще до сорока восьми... Это только я такое могла учудить! Стыдоба! Как можно было отправить совершенно незнакомому человеку призыв о помощи и адрес! Получит Макарыч у меня, это все он! Трубку не берет вовремя!

Через пять минут я, конечно, успокоилась. И даже собрала на стол к чаю. Вскоре и Алексей показался на кухне. Он уже опустил брючины и вытирал руки полотенцем.

– Ничего страшного, Юля. Там просто в фильтр попала шпилька для волос. Аккуратнее нужно с такой старушкой, карманы получше проверяй. Я почистил, запустил, все работает. Белье можно снова ставить стираться. А воду я собрал, не переживай.

Вот он, мужчина моей мечты – просто пришел и спас. Пусть из маленькой беды, неважно. Без вопросов, без лишних упреков. Раз и сделал, будто мы с ним целую вечность знакомы. Я стою пунцовая, мне стыдно. Не знаю, за что больше, но стыдно. А он подходит ко мне, убирает

непослушные локоны с лица, аккуратно заводит их за ушко и целует меня в лоб. Нежно так, тихонечко, почти по-отечески.

– Я честно сказать, тороплюсь. У меня дела еще сегодня срочные. Хорошо, что я рядом проезжал. Хотел договориться о свидании. Пойдешь?

Я киваю. Сейчас еще одно его слово и вообще разревусь. А он гладит меня по щеке большим пальцем, уговаривает:

– Ты только не обижайся, ладно? Я чай не буду, поеду. Завтра в десять жду у подъезда. Поедем в деревню. Там у меня дом от родителей, ходим в лес, погуляем, свежим воздухом подышим. Наверное, уже первые грибы пошли.

– Одеваться по-походному? – сипло спрашиваю я.

– По-походному. Ну, я пошел?

– Спасибо большое.

– Не за что. До завтра. Не провожай, я сам.

И ушёл. А я, как самая счастливая дуреха, уселась на стул и слопала любимую конфету.

Ладно, две. Но это от радости...

Не успела я прийти в себя, как заявился Макарыч – действительно подшофе. И мне пришлось объясняться, почему мою машинку чинил какой-то другой мужчина. Дала ему пару сотен на чекушку и отправила восвояси. Вот не пьет – руки золотые, не мужик, а клад. Староват, конечно, но, в целом, хороший человек. А как загулит, так пиши пропало.

Как только закрыла за ним дверь, проснулась Танюшка – потрепанная, сонная, недовольная, как всегда, с наушниками на голове. Приросли они уже, видимо.

– Мам, чего шум такой, Макарыч, что ли? Сломалось что?

– Да, Макарыч. Пьяный вот приходил. У нас машинка встала, а я ему дозвониться не могла.

– Так, а налаживать кто станет?

– Наладилось уже все, само собой.

Танька фыркнула, ушла в душ, а я задумалась. Не готова я еще ей рассказывать о своем новом знакомом. Понятия не имею, что у меня с этим Алексеем. Будем ли мы общаться, или так, ни к чему не обязывающая встреча. А Танька – она потом в голову возьмет, лишние вопросы... нет, все правильно, не нужно пока ничего говорить.

"Ай-ай-аюшки, ааа!" – попискивала я, еле сдерживаясь, с непривычки все это очень и очень страшно волнительно. Да волнительно – это мягко сказано! Это капец как доводит до слёз! Ленка, заправский садист, даже выдала мне валик из свернутого полотенца, чтобы я его закусила зубами. А начиналось все так хорошо...

Чтобы не краснеть перед Танькой (врать-то я на четвертом десятке так и не научилась), я решила наведаться к своей закадычной подруженции, благо идти только до соседней лестничной площадки. Душу излить и вообще посоветоваться, как завтра уехать из дома и не спалиться перед дочерью. Ой, чувствовала я себя теперь какой-то нашкодлившей школьницей.

– В лес? Он точно не маньяк? Уверена? – это первое, что спросила меня подруга, когда выслушала мою историю. В ответ я неуверенно кивнула, а она выдала:

– Что решила, сама хоть ехать с ним хочешь?

Умеет вот она правильно вопрос поставить. Хочу, хочу конечно. Но... а что, собственно, но?

– Я не знаю, что Таньке скажу...

– Ой, нашла, о чем переживать, – фыркнула Ленка. А она не только человек слова, но и человек дела. Сразу разрулила ситуацию. – Юля, просто надо сказать дочери, что ты едешь с любимыми соседями на дачу, и даже позвать ее с собой. Мол, тетя Лена попросила помочь посадить помидоры. Танька однозначно откажется!

– А если не откажется?

– А если не откажется, то будет работать план Б...

Но его моя подруга решила придумать потом. А сейчас она просто сказала, что не выпустит меня из квартиры, пока не подготовит к свиданию. Вспомнилось ей, что когда-то она начинала свою работу с шугаринга, где-то тут же откопала неполную и, возможно, вышедшую сроком годности баночку сахарной пасты. Что-то магичила над ней на кухне, а потом завела меня в свою спальню и громогласно заявила:

– Снимай трусы!

Я посопротивлялась, уверяя, что дома у меня есть крем, и все сделаю сама. Но Ленка, прищурившись, выдала новый перл:

– В кои-то веки мужик нарисовался! Нормальный...

– Ты ж его еще не видела, Лен!

– Нормальный, говорю! Ни один здравомыслящий мужик такую красоту не упустит! Так, ты мне не порть уже сделанную работу! Королевишна была, королевишной останешься! Нечего человека пугать недобритыми пучками! Снимай, говорю! Делать будем из тебя идеальную женщину!

Ну я сдалась, просто не умею с ней спорить. Мне кажется, это бесполезно. Разделась, улеглась на приготовленную простыню. А потом еще терпела экзекуции под радостные советы Ленки.

Ну вот почему мужикам так принципиально любить безволосых женщин? Раньше же обходились как-то без этого шкурообдирательства! Это же кошмар какой-то! Каждую волосинку, так любовно взращённую организмом, выдирать с корнями... а-а-а-а!

Боль я терпела с трудом, да и в активном завтрашнем отдыхе очень даже сомневалась, а Ленка убеждала меня в обратном. В том, что я красивая и сексуальная, что меня все мужики вокруг хотят, просто подойти боятся. Что каждый из них был бы просто счастлив рядом со мной постоять, вот они в последнее время просто рядом и стоят... Ой, да как она только мне боевой дух не поднимала! И хорошо, потому что меня то и дело подмывало написать сообщение Алексею, что я завтра никуда не поеду.

Домой я вернулась в пустую квартиру, Танька ушла гулять. А я, ругая себя за несдержанность, снова объелась. Должен же быть в идеальной женщине хоть какой-то маленький изъян.

9

Все прошло как по маслу. Таньке на фиг не сдались тетя Ленины помидоры. Она прям так и заявила, а я и не обиделась. Ну, подумаешь, не влечет моего ребенка на дачу, я ж не против.

Натянула (в прямом смысле слова) спортивный костюм, надела футболку подлиннее, хвостик на макушке простенький собрала. Вроде как приготовилась. Но тут меня подловила Танька:

– Мам, ты чего все в окно поглядываешь?

– Да я смотрю, не подъехал ли тетя Ленин свекор. Он нас должен забрать, – вру, прям вру на ходу. До чего докатилась!

– А-а, ясно. Мам, ты мне еще денег подкинь, мы с Олесей на день рождения приглашены, скинемся на подарок.

– На какое ещё день рождения? Где, к кому?

– Мам, ну какая разница. Ой, ну там у Олески одноклассник пригласил. Шесть девчонок, четыре пацана, все свои, не переживай. Я в девять уже точно буду дома.

– Адрес мне на листочке. И одноклассника этого имя и фамилию. И Олески твоей номер.

– Мам, че за детский сад опять, а?

– Не чокай мне тут. Иначе сейчас за шкуру тебя и на дачу! Помидоры высаживать! Вообще, о таких мероприятиях заранее нужно сообщать!

– Ладно. – ласковым ребенком прикинулась дочь. – Напишу. Денег дашь?

– Дам, Таня, дам. Ты сначала нервы вытреплешь, а потом как лиса!

Глянула на часы, без пяти уже. Придется к Ленке подняться для начала. Иначе снова спалюсь. Попрошалась с дочерью, побежала к соседке. Ленка, как только увидела меня, закатила глаза.

– Юль, ну ты что, опять? Что ничего из одежды другого не было?

– Что? – недоумеваю я.

– Ну ты ж на свидание!

– Ну я же в лес!

– Ой, – пыхтит недовольная Ленка, – дай, я хоть тебя причешу по-нормальному и подкрашу.

Пять минут в очумелых руках, и я снова красавица. На голове ободок из тонких кос, ресницы как из рекламного ролика, легкие тени и хороший румянец. Румянец, правда, натуральный. Потому как Алексей уже позвонил, сказал, что ждет в машине у дома.

Ленка перекрестила, я мысленно себя тоже. И убежала на первое, такое долгожданное свидание.

Сердце колотилось где-то в горле. Я переживала, что будет? На лестнице от волнения чуть не навернулась, стала спускаться потише.

Автомобиль Алексея стоял на парковке, и хорошо – не видно будет из нашего окна, как я в чей-то новенький "хендай" сажусь. Да и эти двадцать метров дали мне возможность отдышаться и привести мысли в порядок. Хотя кому я вру! Какой там уж порядок!

Не успела я подойти к машине, а он уже вышел, открыл дверцу, помог сесть. Через несколько секунд, когда у меня прошло головокружение от его сумасшедшего притягательного запаха, я начала рассматривать панель. Ну а что, я боюсь посмотреть на этого бога! Вдруг меня от щенячьего восторга сейчас Кондратий хватит!

– Юль, все нормально? – Алексей зовет меня так ласково, что на секундочку мне приходится зажмуриться.

– Да, – выдыхаю. – Торопилась, на лестнице чуть не упала.

– Ко мне? – радостно, как мальчишка, отзывается он. Смотрю – улыбается, шутит.
– К тебе, – и я отвечаю улыбкой. Всё-таки страшно вот так ехать куда-то с человеком, которого совершенно не знаешь.

– Машинка работает?

– Да, слава Богу. Спасибо тебе за помощь, я ведь Макарычу писала, а отправила смс тебе. Случайно.

– Кто такой Макарыч? – чуть ревниво спрашивает он.

– Муж...

Хмурится.

– "Муж на час", – добавляю я. – Он частенько помогает мне с починкой. Так выпивоха, конечно, но руки у него золотые.

Выдохнул.

– Шутница ты, – снова улыбается Алексей. Как он улыбается! С ямочками на щеках! Аж в груди где-то сладко-сладко становится от его улыбки.

– Куда мы поедем?

– Сначала на заправку, а потом в Березовку, тут сорок километров от города. Там у меня дом от родителей остался. Жалко продавать, на выходные туда уезжаю частенько. В остальное время соседи присматривают. Практически рядом с домом лес и речка. И воздух просто потрясающий!

– Здорово, – радуюсь я. – Я в деревне сто лет не была.

Алексей, все с той же довольной улыбкой, заводит машину и трогается с места. А я расслабляюсь в нагретом салоне и рассматриваю меняющиеся картинки за окном. Мы молчим, но от этой тишины мне так хорошо и спокойно. Не нужно подбирать правильные слова, не нужно придумывать какие-то вежливые вопросы. Мы молчим и потихоньку привыкаем, слушаем дыхание, иногда рассматриваем друг друга, пока стоим на красном на перекрестках. И постепенно я понимаю, что приняла правильное решение. Я устала быть одна. И я готова впустить в свою жизнь мужчину.

Всё-все, что происходит потом, мне ужасно нравится. Вот прям каждую секундочку. И то, как Алексей аккуратно ведет машину по бездорожью, и то, как ненавязчиво задает вопросы. Он позаботился заранее о продуктах, несколько раз спросил, не жарко ли мне, не хочу ли я в туалет. И я чувствовала себя маленькой принцессой, а он был моим славным рыцарем. К тому же рыцарь мой был красив. И я была этому несомненно рада. Вот отчего-то мне всегда казалось, что такие красавчики не для простых девчонок, к коим я себя причисляла. А тут уже взрослый мужчина, но обратил внимание именно на меня.

На меня, на ту, которую постоянно костерит Ленка. То за то, что я не так одета, то за то, что прибавила лишние килограммы, то за то, что поставила на себе крест. Крест уж я, конечно, на себе не поставила, но о личной жизни уже и не мечтала. Кто воспитывал ребенка один, тот поймёт. Особенно если нет рядом кучи родственников, готовых прийти на помощь. Когда совершенно не на кого надеяться, и ты со своим ребенком и своими проблемами один на один двадцать четыре часа в сутки. Мне, конечно, в свое время помогла свекровь, но в какой-то момент я поняла, что не имею права вешать на старую женщину свои проблемы. Это в полной семье каждый берет на себя по чуть-чуть. Да, иногда кажется, что кто-то тянет больше, кто-то прохлаждается. Но в любом случае, это не воспитывать ребёнка одной. Когда нужно и за дитем уследить, и денег заработать, и самой хотя бы выспаться и не разболеться. А время летит. Оно вообще безжалостное какое-то. Вот Новый год, Восьмое марта, Пасха, короткое лето и Первое сентября. Собрания, каникулы и снова елка. В промежутке кто-то делает фото, где ты

с дочкой в новом платье. Глянешь, а ты уже на фото совсем не та. Уже не девушка, а женщина. И уже не идет тебе этот фасон. И прическа какая-то нелепая, и взгляд без искры.

– Юля, чего загрустила, устала?

– Да, неделя какая-то дурацкая, – выдохнула я, заметив, что мы въехали в деревню. – В голове бардак.

– Вот и хорошо, что я тебя не в кафе повел, а сюда привез. И очень рад, что ты согласилась. Тут такой воздух, закачаешься!

Да меня и так покачивать будет, опьяневшую от неожиданных чувств. Я с улыбкой слушала, как Алексей расписывает прелести местной округи и радовалась тому, что мне с ним так потрясающе легко.

Мы подъехали к красивому домику. Такие обычно на картинках в интернете: красивый, окрашенный, деревянный, с резными белыми ставнями, с палисадником. Было в нем что-то родное и особенно притягательное. Алексей помог мне выйти из машины, подал руку.

– Ну вот и добрались, добро пожаловать в мою тайную обитель! Я здесь, конечно, редко бываю. Хотелось бы чаще. Но дела, да и сессия сейчас идет, не вырвешься лишний раз из города.

– Ты учишься? – удивилась я.

– Нет, я преподаватель в университете, прошу любить и жаловать, Алексей Сергеевич Липатов.

– О, вот это да! По какой дисциплине?

– Высшая математика. Еще, конечно, подрабатываю по договору на заводе в проектно-отделе. Но так как сейчас завод штампует одну мелочь, и не собирается создавать ничего грандиозного, я там практически не нужен. Вот и подался в педагоги.

– А я все думала, как же ты номер с одного раза запомнил? Ты не похож на педагога! – улыбнулась я, помогая разгрузить багажник. Алексей вручил мне легкий бумажный пакет из пекарни. – Если бы меня спросили, как должен выглядеть педагог по высшей математике, я бы представила себе худенького заучку с огромными очками.

Алексей рассмеялся:

– А я так и выглядел, Юль! Студентом. Пойдем в дом. Перекусим, разложим продукты, а потом уже на экскурсию.

– Тебе нравится?

– Преподавать? Не совсем мое, если честно. Да я и в универе-то всего два с половиной года. Позвали, я согласился, но не думал, что это настолько тяжело. Не сразу, конечно, получалось. Нервы потрепал, будь здоров. Но сейчас уже втянулся. Да и к студентам привык, многих хорошо знаю, есть перспективные. Вот ради них и стараюсь. А ты кем работаешь?

– А я тоже математик. Только поменьше. Работаю в бухгалтерии на мебельной фабрике.

– О, да мы почти коллеги, – пошутил Алексей.

Мы уже вошли в дом. На удивление здесь было светло и чисто. Сначала нас встретила уютная просторная кухня, а за ней, отгороженная простой занавеской, спряталась примерно такая же по размеру комната, которая была и залом, и спальней одновременно.

– Вот, проходи. Будь как дома. Я продукты сложу, а ты осмотришь пока.

Чтобы скрыть свою нервозность, я послушно отошла и с каким-то особым благоговением стала рассматривать все вокруг. Если кухня была обставлена современной мебелью и техникой, то вот комната меня поразила. Казалось, что время здесь остановилось. На окнах висели кружевные тюли и льняные занавески. У стены расположилась металлическая кровать с расшитым покрывалом и пирамидой из подушек. Подушки, кстати, тоже прикрыты кружевной кисеей. Настолько искусно связанной, что руки так и зудели, как хотелось потрогать, а настоящая ли?

На стене у кровати, как и на полу, огромный ковер. У другой стены маленький комод. На нем – портреты в рамках. Добрые красивые лица, счастливые глаза любящих друг друга людей.

Алексей, бесшумно приблизился и, встав рядом, стал комментировать:

– Это мои родители, а это их свадьба, им здесь по двадцать лет. А это мама со своим младшим братом, он еще жив, живет в городе, я часто у него бываю. Это вот я маленький и моя сестра Женя. Она в Липецке, замужем, двое детей.

– А ты? – спросила я в свою очередь. Ведь так и не понятно, есть ли у него семья. Конечно, мне бы хотелось, чтобы он был холост, но мужики, они ведь как куры. Тридцать метров от забора – и уже ничьи. Поэтому я затаила дыхание, а потом взглянула ему прямо в глаза. Соврет или скажет правду?

– Я не женат, если ты об этом. И свободен, если возник и этот вопрос. Жена была, да. Дружили, пока учились, потом расписались. Мы прожили три года, но обоим стало понятно, что у нас друг к другу больше претензий, да и влюбленность уже давно прошла. Разошлись быстро и без обид. Делить было нечего, детей не родили.

– Я тоже свободна, – тихо сказала я. Ну, чтобы уж все точки над і.

– Надеюсь, что это ненадолго. – Алексей подмигнул, приобнял меня за плечи и увел на кухню пить чай.

А я и рада стараться. Когда это я от чая, да еще со свежей выпечкой, отказывалась?

10

Ой, мы бабы – такие бабы... вот честно. Понапридумываем себе, а потом сами же страдаем.

Ну вот кто мне говорил, что будет все по-моему? Нет, конечно!

Да, мне было хорошо. И весело мне было с ним, и легко. Чаю попили, булок вкусных поели. Алексей пообещал попозже нажарить шашлычков и наварить картошечки. Сказал, что сегодня я гостя, поэтому он все делает сам, а я только угощаюсь и отдыхаю.

Он свозил меня на речку. Купаться еще было рано, и мы просто погуляли и пособирали мелкие, обтертые песком и временем ракушки. Потом доехали до березовой рощи. И даже там все было настолько прекрасно, что только радуйся и радуйся! И огромные поляны цветов, и первые редкие ягоды земляники, и потрясающей красоты березы. И даже птички пели нам так сладко, что умиляйся и умиляйся. Но у меня свербела лишь одна мысль: "Он вообще меня сегодня целовать собирается или нет?"

Конечно, я восхищалась его сдержанностью и воспитанностью. Но я же себе уже напридумывала! И потом, Ленка меня морально подготовила! Я уже не боюсь, не сомневаюсь. Да и мы взрослые люди, сколько можно за ручку вокруг да около? Но нет, Алексей он весь такой мужчина видный, правильный, заботливый. Он очень хороший собеседник, постоянно шутит, и уже к обеду я нахохоталась так, что заряда на месяц вперед хватит! И все это хорошо, но... но поцелуев же хочется!

И я ждала, томилась и подогревалась, как колобок на солнышке. Ну, думаю, ладно. Я женщина приличная, кидаться на шею не стану. Потерплю, мне же, в принципе, сейчас совсем не плохо. Очень даже хорошо. Наверное.

Но когда решила помочь Алексею почистить картошку, то снова задумалась. Может дело в том, что я ему не настолько нравлюсь? Права Ленка, худеть мне надо. И в этом спортивном костюме я вообще на пончик похожа. Да не то слово, на пончик. Вот зачем я ехать согласилась, сидела бы дома!

Нож сорвался, оцарапав ладонь, выпал из рук, а я как дура разревелась. Не громко, но слезы ручьем...

Всхлипнула. И в тот же миг оказалась в его объятиях. Алексей забрал из рук неочищенную картофелину, ополоснул мои ладони под струей теплой воды, потом аккуратно промокнул чистой салфеткой и тихонько подул на царапину.

– Тсс, все нормально. Неглубоко. Юля, как же ты так?

– Не знаю, – буркнула я и попыталась вернуть себе свои ручки. Да не тут-то было. Он их как держал, так и держит. И смотрит на меня в упор. А я молчу. И глаз не поднимаю.

– Юля... Юль, посмотри на меня! Пожалуйста.

Я упрямо мотаю головой. И чувствую, как снова начинаю краснеть. Вот что за напасть!

– Я обидел тебя чем-то? Ты с каждой минутой все грустнее и грустнее. Скажи, пожалуйста. Я исправлюсь.

Я дальше молчу. Не из вредности, просто ком в горле. Ну не дура я, а?

– Прости, я старался. Хотел как лучше. Да нет, вру. Хотел я вообще по-другому. Увезти тебя еще в день нашей встречи к себе и не отпускать как минимум сутки. И любить до потери пульса. Но решил, что с тобой так нельзя. Потому что не хочу, чтобы на один вечер. Потому что ты мне очень понравилась, Юль. Скажи, что мне сделать?

Я подняла на него зареванные глаза, шмыгнула своим распухшим красным носом и прогундела:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

В этот же миг его взгляд потемнел, и он с шумом выдохнул. А затем забрался своей огромной пятерней в мои волосы и, чуть дернув на себя, впился в губы. И я сгорела. Вся целиком, без остатка. С первого поцелуя поняла, что я готова с ним на все, и даже больше. Что я не хочу ждать, не хочу никаких ухаживаний, ни кино, ни прогулок. Я хочу этого мужчину здесь и сейчас. И, возможно, он услышал мой призыв или просто отдался на растерзание своим бушующим чувствам.

Через несколько минут была позабыта и картошка, и мясо для шашлыка. Даже ненужные стеснения были задвинуты в дальний уголок сознания. Мы срывали одежду, целовались, как безумные, понемногу перемещаясь к кровати. И если еще до этого я даже не могла определиться, чего же именно хочу, то с ним, здесь и сейчас, для меня было все так, как мне было нужно. Каждый поцелуй. Каждое прикосновение. Каждое ласковое слово.

Свое счастье я будто украла. Чувствовала себя какой-то обманщицей. Ну не приезжают после посадки помидор поздно вечером с такой счастливой физиономией и распухшими от поцелуев губами. И Танька все прекрасно поняла. Рассмотрела меня хорошенько и, не сказав ни слова, ушла в свою комнату. Правда дверью хлопнула, таким образом показав свое отношение к происходящему.

Мне стало обидно и горько оттого, что дочь совершенно не захотела понять. Ну а что она поймет, глупая? Танюшка, по сути, еще совсем ребенок. Причем привыкший, что все для нее одной. Молоденькой девчонке невдомек, что женщина жива, пока она любима. Пока готова кому-то нравиться, пока стремится себя совершенствовать. Без любви она просто человек. Мать, сотрудница, сестра, соседка. Кто угодно, но не женщина.

Я не пошла успокаивать дочь. Да, я виновата, я солгала. Но могу я хоть раз позволить себе быть немножечко слабой? И немножко счастливой.

Моя холодная постель казалась чужой и странной. Прижалась щекой к подушке, вспоминая о Его объятиях. Сколько в нем страсти, сколько нежности! За такой короткий срок он успел добраться до моего сердца и внаглую там поселиться.

Несколько часов для нас пролетели как один миг, и расставаться, конечно, не хотелось. Алексей предложил увидеться завтра, встретить меня после работы. Но я отказалась, объяснив, что не могу. Пока не могу, ведь Танька не поймет. Как в воду глядела.

Отчасти я Таньку понимаю. Я всегда, целиком и полностью, принадлежала только ей. О редких встречах на стороне та даже и не догадывалась, да и что их там было, по пальцам пересчитать. Оттого ей сложно будет принять то, что в моей жизни появится мужчина. Это равносильно тому, что от Танюшкиной ежедневной порции конфет кто-то вдруг начнет забирать половину. Почему, по какому праву? Ведь столько лет она была полноправной хозяйкой своей доли! И именно это я попыталась все это объяснить Алексею. Он выслушал и, надеюсь, понял. Сказал, что завтра все равно обязательно позвонит. И у меня немного полегчало на душе. Мужики, они ведь тоже обидчивыми бывают. Но нет, он и виду не подал. И целовал бесчисленное количество раз, и не хотел отпускать.

Я позволила себе помечтать, понежиться в кровати, посмаковать свои воспоминания. Даже не приготовила ужин. Не спросила, как прошел день у дочери. Наверное, я плохая мать? Нет, не хочется об этом думать. Хочется быть просто счастливой. Хотя бы немного. Разве я за столько лет этого не заслужила?

Сомнения с новой силой нахлынули утром. Я по привычке встала за час до выхода, сходила в ванную, по пути крикнула Таньке, что пора вставать. Она, как всегда, тяжелая на подъем,

по несколько раз приходится будить. Я уже и умылась, и привела себя в порядок, а Танька все не встает. Ну, прости, милая, придется включать свет и стягивать одеяло. Иначе никак!

Захожу в комнату дочери, а там никого.

И мне как-то так сразу плохо стало от вида пустой постели. Посмотрела вещи, обувь, рюкзак, – Танька ушла раньше меня. Ее электронный будильник заведен на шесть, но я его почему-то не слышала. И как ушла дочь, я тоже не слышала. Не хотела будить? Нет. Зная Танькин характер, она еще раз выразила свое недовольство. Не захотела общаться со мной даже утром. В ее случае утро не мудренее вечера.

Как только непонятный страх схлынул, наступил откат. И меня затрясло. Обидно до слез, ну зачем она со мной так!

11

Сама уже собралась в спешке и ушла из дома не позавтракав. И если еще до этого я переживала, что на работе девчонки будут задавать вопросы по поводу моих счастливых глазок, то теперь уже точно ни у кого подозрений не будет. Настроение испорчено напрочь. По дороге попыталась дозвониться до дочери, но она сбросила звонок. Ну и на том спасибо. Раз в зоне доступа, значит, все с ней в порядке.

Не успела дойти до кабинета, нарвалась на Михалыча. Тот тоже не с той ноги, видимо, встал. Решил озадачить меня:

– Юля Петровна, мне кажется, давно не делали инвентаризацию на складе с браком. Займитесь, пожалуйста. Опись к вечеру мне на стол.

Вот ведь, зараза! Вспомнил, что я с ним на дачу не поехала. А с Лизонькой у них, наверное, что-то не срослось. И кому, спрашивается, вообще этот склад с браком нужен. Там одни недоделки, да устаревшие модели с витрин. Это все разобрать, отдать либо выкинуть. Но нет, Михалыч – мужик хозяйственный, каждую палку по десять лет хранит. А мне теперь отдувайся. Больше всего жалко, что платье сегодня свое любимое, персиковое, надела. Оно забьется пылью, что от него останется? И ведь не отвертись, если Михалыч в гневе, лучше не бунтовать.

Смирилась, хлебнула чайку с девочками, доложила главбуху о своем задании, собрала нужные документы и ушла на склад. Здесь моего дурного настроения никто не заметит.

Алексей писал практически весь день сообщения. Началось с утреннего "Я соскучился, Юля!", потом "Я хочу тебя увидеть!", "Юля, я пропал, ты свела меня с ума..." Ну и еще кучу разных милостей написал, отчего в груди было одновременно и сладко, и горестно. Горестно оттого, что я теперь совершенно не знала, как мне быть, как вести себя. Как продолжать отношения с Алексеем и при этом не испортить их с дочерью?

Ничего мне в голову путного не приходило, день прошел в думах и праведной злости на Михалыча. Кое-как досчитав на складе все никому не нужные запасы, к пяти часам перебралась в бухгалтерию, еще полчаса на распечатку чистового варианта для начальника – и я свободна. Буквально за пять минут до моего выхода позвонил Алексей и сказал, что встретит меня с работы. Я попыталась отговорить, что не стоит ему беспокоиться. Но только он заявил, что ждет в машине у входа.

Вот мне оно надо, такой сюрприз? Но что теперь. Раз уж видел в халате с зеленой моськой, то уставшую в перепачканном платье уж точно не испугается. Иду, спускаюсь на проходную, а сердце все равно колотится, как бешеное. Потому что помню и вчерашнее безумие и то, как меня просто трясет рядом с ним от переизбытка чувств. Выхожу на улицу и вижу его неподалеку. Алексей стоит у машины и всматривается в выходящих из здания людей. Как только замечает меня, то на лице его сразу появляется счастливая улыбка. Такая настоящая и открытая, что даже не приходится сомневаться в ее искренности.

Была не была, поправляю платье, прическу. Улыбаюсь и иду к нему. Надеюсь, не ползет целоваться при всех. Терпеть не могу показушности.

– Привет.

– Привет, Юля, – Алексей подходит и берет меня за руку, а потом ведет к пассажирской двери и открывает машину. – Садись.

– Ты уже освободился? – спрашиваю я, как только он оказывается в салоне.

– Сегодня пораньше, да. Всего пару зачетов стояла, но я все успел, старался пораньше, очень хотелось тебя увидеть. – Алексей смотрит на меня, машину не заводит. Изучает мое лицо, затем протягивает руку и заправляет локон за ухо. А затем шепчет: – Юль, скажи что-нибудь. У меня ощущение, что ты мне не рада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.